

Глава 6

Если у меня есть другой путь, он должен быть правильным.

Я каждый день получаю сообщения на свой телефон. Но будь то средняя школа или старшая очная школа, которые я посещал, у меня не было друзей. Люди, которые знают мою ситуацию, отправляют сообщения с беспокойством, включая такие вопросы, как «всё в порядке» и приглашения, такие как «давай сыграем вместе».

Обо мне правда беспокоились.

Безусловно, существуют разные пути.

И пока вы проводите время с друзьями, возможно, ваши раны немного затянутся от тех событий. Не исключено даже, что, выйдя и повеселившись, ваше настроение изменится, вы постепенно примете свою грусть и будете двигаться дальше со своей внутренней болью. Прямо как красивая молодёжная драма. Я понимаю это.

И всё же я никогда не захочу сделать такой выбор.

На мой взгляд событие ещё не закончено, и я ещё не добился результата, который я могу принять.

Я не ответил ни на одно присланное сообщение от моих знакомых.

Опасения и изменчивые чувства не нужны. Я не хочу забывать боль, я не хочу поднимать себе настроение. Всё, что я ищу, это цена равноценная потере моей семьи, нет необходимости в дополнительных вещах.

Друзья, которые переживают за других..... само это существование заставляет меня затаить дыхание.

Я понимаю, что моя личность искажена.

Но что с того?

Одного за другим, я заблокировал и удалил друзей, и вышел из группового чата. Единственный способ связаться с друзьями — это моя учетная запись в соцсети, а без неё адрес, номер телефона и адрес электронной почты неизвестны друг другу. Просто заблокировав аккаунт, вы

навсегда теряете путь к контакту.

Прощайте, мои друзья.

Осталась только контактная информация Адзусы.

На сегодняшний день... это всё, что нужно, и ничего больше.

Перед надгробием я тихо сложил руки и поведал о своей недавней ситуации моей семье, которая уснула вечным сном.

— Я видел Томиту Хииро. Я хотел зарезать его, но..... Простите, но оказалось, что это не только он, есть ещё один человек который не был наказан.

Я разомкнул ладони и положил кое-что перед надгробной плитой.

Кухонный нож, оставленный бабушкой и карточку из подснежников, которую мне подарила Юми.

— Не могу остановиться, — сказал я. — Я не остановлюсь, пока не распотрошу ублюдка, убившего бабушку и Юми.

У меня есть долг, который должен быть исполнен.

Необходимо только мужество.

...

За два часа до встречи, назначенной в пять часов, я пришёл в дом Адзусы.

Не удивительно, что её мать открыла дверь. Я передал ей фруктовый торт в качестве подарка. «Тебе не нужно так заморачиваться», — она хоть и говорила это в вежливой манере, но она всё равно была очень счастлива, и похоже она не была бдительна ко мне. Какой нежный человек.

Меня также беспокоило, заподозрит ли она два повторившихся визита за короткое время, но похоже я зря переживал.

Мать Адзусы пригласила меня в дом. Это была холодная декабрьская зима, и она была так любезна, что не позволила мне ждать два часа на улице. Это так благодарно.

Я медленно снимал своё пальто, чтобы растянуть время, и воспользовался возможностью запереть дверь, чтобы никто не мог войти и прервать нас. Когда я приходил сюда в последний раз, я уже запомнил расположение комнат и окон. Надо просто закрыть дверь, коридор у двери не был виден снаружи.

Сделав глубокий вдох, я потянулся за карточкой с подснежником в левом кармане.

Молитва.

Затем я взял кухонный нож в правую руку и указал им на маму Адзусы.

— Пожалуйста, не двигайтесь. Прошу вас.

Разумеется, она и подумать не могла, что она внезапно увидит перед собой лезвие.

Мать Адзусы расширила глаза и нахмурилась.

— Ацудо.....кун? — она ошеломлённо произнесла моё имя.

— Я не хочу прибегать к насилию, пожалуйста, делайте, что я говорю.

Она прошептала.

— Почему...?

— Я представляюсь попроще. Я жертва Хаитани Юдзуру.

Просто услышав это предложение, она, казалось, осознала ситуацию.

— Он опять..... — она застонала и, казалось, сразу поверила в мои слова. У неё совершенно нет доверия к человеку Хаитани Юдзуру.

— А вы мать Хаитани Юдзуру, я прав?

— Да, — она осторожно кивнула.

Отлично. Если бы я ошибся, я бы не смог просто отшутиться.

— Давайте сначала сменим обстановку. Я кое-что ищу. Пожалуйста, отведите меня в комнату

Адзусы.

Она не противилась.

Комната Адзуса очень чистая и аккуратная. Стол, кровать, шкаф, прикроватная тумбочка, это почти как модельная комната для показа, здесь нет ничего лишнего. Когда дело доходит до отличительных черт, на стенах только картины с цветами, а также постеры с людьми. Должно быть, ей и впрямь очень нравится цветы.

Я задвинул шторы и повернулся к матери Адзусы.

— Я хочу знать, где Хаитани Юдзуру, — сказал я. — Вы знаете где он?

— Нет... Юдзуру исчез, не оставив никаких номеров.

Ожидаемый ответ.

Я и не думал, что она будет такой пайнкой.

— Ладно, вы знаете, где дневник Адзусы?

— Нет... а зачем?

— Я хочу убедиться, что вы говорите правду, — я постучал по столу кухонным ножом. — Найдите его побыстрее.

Хотя я повысил голос, она не собиралась действовать.

Почему она не послушалась?

Что происходит? Я постепенно начал раздражаться.

— Прощу. Сегодня я, возможно, могу кого-нибудь убить. Точно так же, как Хаитани Юдзуру отнял мою семью, я также хочу отнять его семью. Я подготовился к этому морально, когда пришёл сюда.

Мать Адзусы не отводила от меня взгляда, и при этом она не выглядела робкой при моём упреке, вместо этого она молча смотрела на меня искренними глазами.

— Ты тоже жертва моего сына, — сказала она.

— Разве я это уже не сказал?

— Я не знаю, где лежит дневник. Но сперва, не мог ты рассказать мне, что с тобой случилось?

Она собирается задержать время?

Ничего, хорошо. Я присел в кресло. В любом случае, до возвращения Адзусы ещё достаточно времени.

Я положил кухонный нож на стол.

— Этот кухонный нож — реликвия бабушки.

Бабушка не умела хорошо готовить. Она не очень хорошо разделывала рыбу, и зачастую резалась кухонным ножом. Я провёл пальцами по тем шрамам, вспоминая прошлое.

— Хаитани Юдзуру пригрозил одnogороднему, учащемуся средней школы, чтобы тот убил мою семью. Я спросил об этом у преступника, мальчишку по имени Томита Хииро. Я не думаю, что он врал, потому что у него, кажется, нет мозгов.

Я вспоминаю выражение Томиты Хииро.

Он боялся Хаитани Юдзуру..... потому что другой был убийцей.

— В этом городе Хаитани Юдзуру кажется довольно известным.

— Юдзуру бы посмеялся.....

— Где он сейчас? Вы правда не знаете?

Мать Адзусы покачала головой.

— Правда.

— Это смешно. Вы хоть понимаете это? Этот человек! Теперь он угрожает людям убивать других! Это же ваш сын! Контролируйте его!

— Он исчез два года назад и с тех пор мы никогда не созванивались, мы даже не знаем, где он.

В моём сердце кипели горячие чувства.

Это слишком безответственно. Ведь они воспитали человека, который до сих пор участвует в жестоких преступлениях.

Я сжал кухонный нож. Ну вот, я опять сжал его покрепче...

— Тогда расскажите мне всё, что знаете, — я сказал, глядя на неё. — Как так вышло что ваш сын исчез?

— Хорошо, — столкнувшись с моим гневом, она кивнула, а затем села естественным образом. — Прежде всего, всё началось с домашней обстановки. — она начала рассказ.

Мать Адзусы зовут Хаитани Мики, и после рождения Адзусы она развелась со своим мужем. Из-за плохого состояния здоровья в послеродовом периоде ей не было предоставлено право опеки, поэтому Адзуса была передана на попечение её отца, в то время как Хаитани Мики выздоравливала в своём родном городе. Через пять лет после развода её бывший муж связался с ней, надеясь, что она заберёт на воспитание двоих детей. И вот так, через пять лет Хаитани Мики снова встретила сына и дочь.

— Тем не менее я обнаружила кое-что неожиданное.

Она говорила слабо.

— На теле Юдзуру были многочисленные синяки. Похоже, над ним измывалась любовница моего бывшего мужа.

Девятилетний ребёнок Юдзуру приобрёл грубый характер, и когда он вырос, он не поддавался контролю даже взрослым. Избиение одноклассников в начальной школе, беседы с учителями. Когда его начали порицать дома за его поведение, он даже полез кулаками на Хаитани Мики.

Если вы не умеете общаться, то вы будете использовать насилие только для того, чтобы выразить своё недовольство..... и Хаитани Юдзуру превратился в такого ребёнка.

— Обычно он довольно приставуч к людям, и даже если он расшумится, через несколько часов он будет просить перекусить, как будто ничего не произошло, и капризничать. Но никто не знал, когда он снова начнёт безобразничать. И эта ситуация продолжалась.

От неё это звучало как отговорки из-за чего я был сильно недоволен.

Я собирался слушать, не вставляя слов, но всё же не смог удержаться.

— Тогда надо было быстро отвести его к специалистам, разве у вас не было такой возможности?

— Я пыталась отвезти его к психологу, но он сразу же становился буйным, орал и поднимал руку на свою семью. А когда он был в особенно хорошем настроении, я, наконец, взяла его.

Мать Адзусы продолжала рассказывать.

Когда Хаитани Юдзуру перешёл в среднюю школу, его дедушка умер, и после этого она больше не могла брать его на приём к психологу.

— По мере роста тела, его вандализм также увеличивался. Он сломал машину учителя, убивал собак, которых держали другие люди, и избивал пожилых людей стальными трубками от стульев..... Это уже было вне сил психолога, поэтому я обратилась за помощью в консультативный центр по уходу за детьми[1], я надеялась, что полиция и медицинские учреждения, и прочие сработаются вместе чтобы уладить это. Однако консультативный центр по уходу за детьми не стал принимать запрос.

— Почему?

— Вроде бы в офисе консультативного центра было слишком много дел, и были внесены коррективы для сокращения числа приёма консультаций.

Я снова сел в кресло, потирая пальцами тыльную сторону ножа.

Если я ничего не сделаю, я просто не смогу слушать.

— После того месяца больше никто не мог держать Юдзуру в узде и, наконец, он убил одного человека.

После убийства женщины по имени Митико Игути, Хаитани Юдзуру в первую очередь перешёл в класс детской колонии. И по словам сотрудников, в детской колонии Юдзуру показывал сильное сожаление.

Выйдя из детской колонии, он покинул родной край и начал жить за пределами округа в одиночестве под надзором Департамента пробации. Он якобы не посещал старшую школу, и вместо этого работал в небольшом супермаркете.

Нрав Хаитани Юдзуру стал спокойным, он не проявлял никакого насилия, а ещё Юдзуру гордо сказал Хаитани Мики, что он сдружился с людьми на его месте работы.

Видя, что Юдзуру всё переосмыслил, Хаитани Мики и Адзуса почувствовали облегчение и

обрадовались.

Однако эта надежда была внезапно уничтожена.

— Где-то полтора года назад мне позвонили из супермаркета, в котором работал Юдзуру и сообщили, что он не выходит на работу. Сказали, что один еженедельный журнал раскрыл его прошлое, и в супермаркет стали звонить с претензиями, и отношение окружающих его людей полностью изменилось. Он был очень сильно поражён. Я немедленно поехала в дом Юдзуру, но он исчез и с тех пор мы не можем с ним связаться.

— Получается, что.....

— Это всё, что я знаю, как его мать, — её объяснение закончилось.

В этой тишине, я задал лишь единственный вопрос.

— Вы когда-нибудь подумывали жить с ним после того, как он вышел из детской колонии?

— Посоветовавшись с сотрудниками детской колонии, я этого не стала делать. В этом районе все знают, что натворил Юдзуру. Кто-то кладёт анонимные письма в почтовый ящик посреди ночи, а кто-то топчет клумбу Адзусы. В то время мы чувствовали, что было бы лучше позволить Юдзуру жить в новой среде.

В результате Хаитани Юдзуру начал жить один.

Я услышал почти всё, что хотел спросить больше всего.

Я в очередной раз крепко взял карточку.

— Это не имеет ко мне никакого отношения.

Я накричал.

Я не могу простить.

Мне плевать, какое прошлое было у Хаитани Юдзуру, я должен отомстить сполна.

Как бы хорошо это не звучало, это никогда не сможет спасти меня.

— Мне плевать на это. Да будь ваши слова хоть трижды правдой, это не причина становиться

преступником! Мне плевать на ситуацию с преступником, моя потерянная семья уже никогда не вернётся!

Я схватил книги, подвернувшиеся под руку, и бросил их в сторону матери Адзусы.

И только после того как я их бросил, до меня дошло что это учебники Адзусы. Несколько книг, брошенных одновременно, попали по её телу, и корешок книги упал на пол с глухим шумом.

Я не мог продолжать говорить.

Сестра убийцы

Чрезвычайно неаккуратный почерк попал в моё поле зрения.

Этот текст был написан в учебнике Адзусы, тёмными и толстыми линиями.

Потерпевшая тебя простила? Ты ещё не извинилась?

Садоводство — это весело, да? А вот мисс Игути такого не скажет

Твой брат убил человека, как тебя земля носит?

Я опустил на колени и осторожно протянул руки к учебникам, разбросанным по полу.

Переверачивая каждую страницу, можно увидеть и другие каракули.

— Город маленький, новости разносятся быстро, — прошептала мать Адзусы.

Мой взгляд не мог оторваться от учебников.

Мать Адзусы продолжила объяснять.

— В школе... Адзуса подвергается ужасной травле. Родители несколько эксцентричны, но, по моему, она не склонила голову, признавая своё поражение, а вместо этого выросла здоровой.

На самом деле я мог себе это представить, но я просто делал вид, что не замечаю.

Оно и понятно, ведь с людьми легко сблизиться, но судя по словам и поступкам Адзусы у неё мало друзей.

— Но даже так, это не имеет ко мне никакого отношения. Я повторю те же слова. Мне плевать насколько вы несчастны, у меня есть...

Я отчаянно выдавил свой голос.

Мать Адзусы постоянно смотрела на меня решительно.

— Да, вся ответственность на родителях. Адзуса не причём. Более того, с Юдзуру то же самое, я не хорошо его воспитала.

Она по очереди приложила руки и лоб на пол.

— Убей меня. Я прошу тебя, отпусти двух моих детей...

Чирк.

Глубоко в его сознании, казалось, полетели искры.

Я заорал, как будто выдавливал из своих лёгких весь воздух, пробежал мимо мамы Адзусы и понёсся в коридор. Я плакал и кричал, разрывая плакат, прицепленный к стене коридора.

От него отскочила канцелярская кнопка, и бумага, разорванная мною, полетела в воздух.

На стене висели десятки плакатов, я отрывал их от начала до конца.

Вишни, анютины глазки, лилии, гортензии, бегонии, камелии, гвоздики, подсолнухи и цветы, которые я не знал. Я разорвал все плакаты, кусочки были разбросаны по коридору, как лепестки.

Интуиция подсказывала мне.

Если то, что говорит Хаитани Мики, правда.....

То смысл в плакатах, расклеенных по дому.....

Я выбросил фотографии этих цветов и посмотрел на то, что обнажилось.

... ... На стенах под плакатом скрывались бесчисленные борозды.

Ответ ясен с первого взгляда.

Это следы ударов, оставленных Хаитани Юдзуру.

Это следы пинков, оставленных Хаитани Юдзуру.

Это всякое насилие, которое неустанно изводило семью.

Я кричал и продолжал отклеивать цветы, которые скрывали эти следы. Пальцы болели, а кожа была проколота. С каждым отслаиванием обнажались новые борозды. Это свидетельствовало о постоянных страданиях этой семьи.

Я порвал все плакаты.

И в конце покрытого шрамами коридора находилась мать Адзусы.

— Это слишком гнусно! — я подсознательно жаловался. — Я не могу ударить того, кто стоит на коленях! Как я могу быть таким безжалостным!

Не могу.

Для меня это невозможно.

Всего год назад я был простым школьником и по праву жил в обществе, общаясь с людьми. Неважно, как сильно мы ненавидим друг друга, убийство и смерть по-прежнему невыносимы для меня.

Кухонный нож проник в человеческое тело, упёрся в кость, человек передо мной застонал от боли, и брызги крови забрызгали мои руки... .. одно только это воображение заставляет меня бояться.

Я обычный человек, а не убийца.

— ... Где Хаитани Юдзуру... разве никто не знает? — мой тон стал серьёзней, но я опять не услышал ответа.

Мать Адзусы снова склонила голову.

Я больше не мог смотреть на её вид, и когда я повернулся, я выскочил из дома.

Меня заполняла только мысль мчаться вперёд.

Я забыл забрать свою куртку. Холодный ветер неуклонно отнимал температуру моего тела, и чем быстрее я набирал скорость, тем сильнее снег падал мне в лицо. Дыхание стало густо белым, тело погорячело, как будто жгло, зато кончики пальцев и ушей были холодными и побаливали.

Я не могу остановить работать ногами.

Такое чувство, что как только я останавлиюсь, я больше не смогу двигаться вперёд.

До чего жалко.

Ради моей сестры, ради моей бабушки, я так разозлился, что бросил кухонный нож и выбежал. Какое убожество. Какой позор. Это слишком уродливо. И это вот так сильно я скучаю по своей семье?

Я даже не могу убить семью Хаитани Юдзуру.

Хаитани Юдзуру отнял мою семью. С другой стороны, я не могу убить семью Хаитани Юдзуру.

Ну что за трусость. Глядя на женщину, вставшую на коли, я не смог закалить своё сердце и убить её.

— Я, — пока я бежал, слово выплунуло изо рта. — Я...

Прежде чем я закончил, я споткнулся о снег.

Я не смог удержаться и свалился на землю. Времени на то, чтобы защититься от удара не было, в результате чего я ударился носом в землю, истекая кровью. Вытерев струю крови, я встал и облокотился на спинку близлежащей скамейки.

Я впервые смотрю на снежинки вот таким образом.

И не удивительно. Если подумать спокойно, то лежать на улице в снежный день — самоубийство.

Снег нагромождался на моём теле. Снег, медленно падающий с неба, отражается от светодиодного освещения, мигая синим светом. Снег падал на меня, но он не таял сразу, а чёрный свитер был украшен узором на туловище.

Снег, таявший у меня за спиной, просачивался в одежду и продолжал забирать температуру тела. И хотя было холодно, я также постепенно к этому привык.

Если я останусь на месте, я замёрзну до смерти.

Вот только я не был в настроении вставать сию же минуту.

Взгляд повернулся в сторону, и в поле зрения появился цветник подснежников. Я приходил сюда как-то раз, это садовый уголок с освещением.

Кажется, я пришёл сюда подсознательно.

Занесённые снегом подснежники ещё не раскрылись.

Глядя на цветы, я вспомнил о моей сестре Юми.

Юми, почему ты соврала?

Почему она сказала, что «нашла на горе» дикий подснежник, но который не мог быть на горе? На её обуви была грязь, и она, определённого ходила по горе.

Что же, чёрт возьми, случилось там на горе?

В ночь, когда она подарила мне цветок, Юми умерла.

Боюсь, есть только один человек, который знает правду: Хаитани Юдзуру.

Я сильно хочу задать этот вопрос. Но я не смог его найти. Даже его семья не знает о его местонахождении.

Мне некуда идти.

Тогда что мне остаётся?

Возможно ли восстановить сердце, разбитое от потери членов семьи?

Светодиодные фонари стали ослепительными. Я закрыл глаза и мой взгляд был похоронен в чёрном.

Чёрный... .. это мой цвет.

Я всегда бреду во мраке.

Принуждаю члена парламента, кричу на Томиту Хииро, обманываю Хаитани Адзусу, угрожаю Хаитани Мики. Но я не чувствовал себя удовлетворённым, моё сердце не могло вырваться из мрака.

Даже если я умру после свершения мести, мне плевать..... я пришёл к такому чёткому определению.

В этом мраке раздавалось только бесчисленное множество «голосов».

«Преступники защищены ювенальной юстицией, вот и действуют безрассудно», «Даже если ты кого-то убьешь, через несколько лет ты сможешь жить нормальной жизнью», «Если преступник не может быть наказан напрямую, то надо ли привлечь их родителей к ответственности?».

Кто-то с нетерпением ждал моей вендетты. Они жалеют меня и поддерживают меня. Я думаю об их голосах бесчисленное количество раз, чтобы вдохновить моё сердце.

Но..... какой в этом смысл?

— Это разрушает меня, — губы шевельнулись. — Всё и вся, разрушен подчистую.

В морге больницы я поклялся.

Я брал Юми за руку, кончики её пальцев были ярко-розовыми, что являлось одним из симптомов отравления угарным газом. Как больно ей было перед тем, как она рассталась со своей жизнью, — просто представив это, это заставляет меня плакать.

Я пообещал ей, что я отомщу.

Заставить злодея Юдзуру заплатить ту же цену.

Я должен двигаться вперед.

Плевать, какие страдания мне выпадут, я должен двигаться вперед. Потому что Юми больше не может двигаться вперед.

Её сердце... оно перестало биться.

— Всё, всё, во всём мире, всё переверну с ног на голову.

Сознание уходило всё дальше и дальше. Но тело игнорировало волю, ибо я выдохся. Я не спал прошлой ночью, я чувствовал себя самоуничижительным. Мои мысли были заняты убийством кое-кого, так что я совсем не выспался. И это напряжение достигло своего предела.

Темнота распространилась изнутри век. Она как будто засасывала меня, я потерял сознание.

Примечание переводчика

1. Некая японская ассоциация известная как «Региональный совет по защите детей», или как-то по-другому — общественная организация, которая помогает детям, нуждающимся в защите.

<http://tl.rulate.ru/book/29072/751007>